

УДК 94(41/99)

UDC 94(41/99)

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НЕОПРОТЕСТАНТСКИХ
ДЕНОМИНАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ В 1905–1917 гг.**

**LEGISLATIVE
REGULATION OF ACTIVITY
OF NEO-PROTESTANT
DENOMINATIONS IN THE RUSSIAN
EMPIRE IN 1905–1917**

Е. А. Ситко,
*аспирант кафедры
истории Беларуси нового
и новейшего времени БГУ*

E. Sitko,
*Postgraduate Student of the Department
of History of Belarus of Modern
and Contemporary Times, BSU*

Поступила в редакцию 13.04.21.

Received on 13.04.21.

Статья посвящена исследованию проблемы законодательного регулирования деятельности трех неопротестантских деноминаций – баптизма, адвентизма и евангельского христианства – в Российской империи в 1905–1917 гг. В статье предложена авторская периодизация этапов политики в отношении неопротестантов, освещены причины ее изменения и специфика каждого периода, показано влияние конкретных законодательных актов и правоприменительной практики на изменение активности миссионерской деятельности. Сделаны выводы о единой стратегии Российской империи на всем протяжении 1905–1917 гг., а также о разных моделях, тактике и используемых методах в течение данного периода. В статье объяснены причины постоянного роста численности неопротестантов, которое происходило на протяжении всего рассматриваемого периода, а также влияние революции 1905–1907 гг. и Первой мировой войны на изменение политики Российской империи в отношении неопротестантских деноминаций.

Ключевые слова: политика в сфере религии, вероисповедное законодательство, неопротестантские деноминации, неопротестантизм, баптисты, адвентисты, евангельские христиане, миссионерская деятельность, Российская империя.

The article is dedicated to research of the problem of legislative regulation of activity of three neo-Protestant denominations – Baptism, Adventism and Evangelical Christianity – in the Russian Empire in 1905-1917. The article offers the author's periodization of the stages of policy related to neo-Protestants, reveals the reasons of its changing and specificity of each period, shows the impact of exact legislative acts and law-enforcement practice on changing the activity of missionaries. The conclusion is made about the united strategy of the Russian Empire during 1905-1917 and about various models, tactics and the used methods during this period. The article explains the reasons of constant increasing of the number of neo-Protestants which was taking place during the whole period under discussion and the influence of the revolution of 1905-1907 and the World War I on changing the policy of the Russian Empire related to neo-Protestant denominations.

Keywords: policy in the sphere of religion, religious legislation, neo-Protestant denominations, neo-Protestantism, Baptists, Adventists, Evangelical Christians, missionary activity, the Russian Empire.

Введение. Проблема законодательного регулирования деятельности неопротестантских деноминаций в Российской империи в рассматриваемый период остается до настоящего времени мало изученной. Дореволюционная историография в большей степени фокусировалась на анализе вероучений, взаимосвязях между различными деноминациями, истории возникновения и распространения неопротестантов, чем на особенностях политики государства в отношении них. Например, это было характерно для таких работ, как «Обзор русских сект и их толков» протоирея Т. И. Буткевича и «Современное состояние русского баптизма» С. Д. Бондаря.

Советская историография уделяла проблеме законодательного регулирования деятельности неопротестантов больше внимания, например, вопросам судебных процессов и гонениям на верующих (Клибанов, А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.)), отношения неопротестантов к проводимой политике царских властей и корректировке миссионерской деятельности исходя из нее [1].

В современной российской и белорусской историографии появились работы, которые освещают правовое регулирование отдельных неопротестантских деноминаций [2–4], подробно изучают деятельность государственных органов в вероисповедной по-

литике [5; 6], показывают влияние законодательного регулирования на степень активности неопротестантского миссионерства [7].

Первые упоминания о неопротестантах в Российской империи относятся к 1-й половине 1860-х гг. [2, с. 92]. Территорией их наибольшего распространения стали украинские губернии, Крым, Закавказье, Прибалтика [8, с. 205], а также Петербург. В белорусских губерниях неопротестантизм появился в 1870-х гг. [8, с. 205] и был представлен штундизмом, баптизмом, адвентизмом, евангельским христианством и пятидесятничеством.

Выбор термина «неопротестантизм» объясняется необходимостью показать его отличие от ранних течений протестантизма, которые в Российской империи были представлены официально признаваемыми церквями (Евангелическо-лютеранской, Евангелическо-реформатской, Евангелическо-аугсбургской, Англиканской) [5, с. 28].

В статье будет рассмотрено законодательное регулирование в отношении только баптизма, адвентизма и евангельского христианства. Штундизм в результате издания закона от 4 июля 1894 г. подвергся ряду ограничений вплоть до судебного преследования его представителей [3, с. 104]. Поэтому большинство штундистов перешло в баптизм, некоторые – в евангельское христианство, и к 1905 г. это направление неопротестантизма в Российской империи исчезает [8, с. 200; 4, с. 44]. Пятидесятничество появилось на территории России только в 1910-х гг. и не успело до 1917 г. стать заметным для властей ввиду небольшого распространения [8, с. 202].

Вплоть до 1880-х гг. отношение властей к неопротестантским деноминациям было довольно лояльным. Согласно иерархии вероисповеданий по Своду законов Российской империи баптисты были отнесены ко второму уровню «признанных терпимых исповеданий», тогда как остальные неопротестантские направления (штундизм, евангельские христиане, адвентизм) к 3-му уровню «терпимых непризнанных» [9, с. 18, 19]. Однако с начала 1880-х гг. политика в отношении штундизма и баптизма ужесточилась, что было связано как с персоной Александра III, осуществлявшего в целом реакционную политику, так и с увеличением влияния неопротестантов, на что указывали чиновники и православное духовенство [8, с. 204]. Местные власти стали осуществлять активный контроль за распространением неопротестантских вероучений [2, с. 93], вводить

ряд ограничений для их деятельности [3, с. 104], подвергали активных миссионеров арестам и ссылкам [8, с. 204]. Однако, несмотря на довольно жесткую политику, остановить распространение неопротестантизма не удалось.

В начале XX в. императором Николаем II было высказано желание начать пересмотр вероисповедного законодательства, в т. ч. в отношении неопротестантов, что нашло отражение в Высочайшем Манифесте «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 г. и Именном Высочайшем указе Правительствующему Сенату с одноименным названием от 12 декабря 1904 г. Это решение диктовалось наступившим в конце XIX – начале XX в. кризисом политики Российской империи в сфере религии.

Основная часть. Среди ключевых причин кризиса политики Российской империи в сфере религии в конце XIX – начале XX в., которые привели к проведению реформ в 1905–1906 гг. и создали новые правовые условия для деятельности неопротестантских деноминаций, следует назвать изменение общественного сознания и секуляризацию культуры, образования и духовной жизни вследствие буржуазных реформ 1860–1870-х гг. при одновременной попытке сохранить религиозную сферу в рамках традиционной модели [5, с. 37]; учащение случаев волнений и беспорядков на религиозной почве и «рост националистических настроений под религиозными лозунгами» [5, с. 38], что дестабилизировало религиозный мир в империи; политизацию религии, что проявилось в вовлечении духовенства иностранных исповеданий в политическую борьбу и повлияло на создание ряда национальных политических партий, строивших политические программы на основе религиозно-националистических доктрин [5, с. 39]; учащение переходов в другие вероисповедания, в т. ч. попытки выхода из православия [7, с. 33]; требование значительной части общества провозглашения свободы совести [7, с. 33]. Кризис политики в сфере религии проявлялся сразу в нескольких сферах: во взаимоотношении государства и религиозных организаций, во взаимоотношениях между религиями и конфессиями, во внутренних конфессиональных вопросах [5, с. 37].

Начало революции 1905–1907 гг. ускорило реформирование законодательства в сфере религии. 17 апреля 1905 г. Никола-

ем II был подписан указ «Об укреплении начал веротерпимости», который разрешил переход из православия в иную веру и перестал классифицировать это как преступление. Произошло также уравнивание в правах неопротестантов с другими христианскими вероисповеданиями по вопросу заключения смешанных браков с православными. Духовные лица неопротестантов по правовому статусу сближались с духовенством (в том числе освобождались от воинской службы), а также могли отправлять религиозные обряды не только в молитвенных, но и частных домах, а также других необходимых местах. Было велено «распечатать» все молитвенные дома, закрытые в административном и судебном порядке [10].

Для скорейшей реализации возможности перехода в иное вероисповедание 25 июня 1905 г. Николай II утвердил Положение Комитета министров о правилах перехода, которое 18 августа того же года было разослано МВД по губерниям [11, с. 112]. Согласно Положению, местные власти могли только регистрировать факт перехода в другое вероисповедание, не имея права запрета [3, с. 105].

17 октября 1905 г. был издан Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Первая статья Манифеста провозглашала наделение населения Российской империи различными гражданскими свободами, в том числе свободой совести [12], что являлось подтверждением указа от 17 апреля 1905 г.

14 марта 1906 г. был опубликован первый официальный документ, легализующий деятельность адвентистов в Российской империи – указ Сената, приравнявший адвентистов к правовому положению баптистов [3, с. 106].

17 октября 1906 г. Николай II подписал указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов», который был призван регламентировать правила деятельности старообрядцев и «сектантов» (такой термин применялся в отношении неопротестантских деноминаций).

Указ провозглашал для неопротестантов свободное исповедание веры, отправление религиозных обрядов и образование религиозных общин (ст. 1), разрешал для зарегистрированных общин избирать духовных лиц («наставников»), сооружать молитвенные

дома, учреждать «богоугодные заведения» и школы, приобретать и отчуждать «недвижимые имущества», принимать пожертвования (ст. 13, 24). Однако приобретение общинами недвижимости на сумму свыше 5000 рублей требовало разрешения Императора (ст. 13), а миссионерская деятельность общины в более чем одной области или одной губернии нуждалась в отдельном согласовании с местными градоначальниками и губернаторами (ст. 9) [13, с. 11–16].

Положения указа могут быть оценены как двойственные, потому что, с одной стороны, они предоставляли неопротестантам новые права, а значит, и возможности для активизации деятельности. Но с другой – посредством чрезмерной регламентации (например, ст. 16) и контроля каждого этапа деятельности общин (например, ст. 22), конкретных ограничений (например, ст. 28), а также зависимости решений от воли отдельных должностных лиц (например, ст. 29) [13, с. 14–17] реализация данных прав имела объективные трудности [14, с. 74]. Такая двойственность объясняется одновременно существующей необходимостью продолжать реформирование религиозного законодательства в условиях революции и давления общества и желанием центральных властей сохранить строгую регламентацию и контроль за религиозной сферой и не допустить дальнейшего распространения неопротестантских деноминаций.

Изменение законодательства в 1905–1906 гг. в сфере религии в целом и в регламентации деятельности неопротестантских деноминаций в частности способствовало активизации прозелитизма. В первую очередь, это привело к созданию новых общин [1, с. 383, 384], миссионерским поездкам в новые местности [15] и активной личной проповеди неопротестантов [1, с. 383, 384]. Однако двойственность указа 17 октября 1906 г., отсутствие необходимых законодательных актов, позволяющих применять положения указов 1905–1906 гг., сложные административные процедуры сдерживали масштабы миссионерской деятельности неопротестантских деноминаций [14, с. 75]. Поэтому неопротестанты прикладывали активные усилия для изменения законодательства. Так, в январе – феврале 1907 г. в ходе съезда баптистов были разработаны предложения для изменения ряда положений указа 17 октября 1906 г. [3, с. 105, 106], которые, однако, не были удовлетворены властями.

Перед властями стояла задача продолжения издания законодательных актов, которые позволили бы ликвидировать противоречия между старыми нормативно-правовыми актами и указами 1905–1906 гг. Например, противоречие сохранялось в статье 90 Уголовного уложения 1903 г., которая наказывала ограничением свободы за прозелитизм в отношении православных, хотя по указу 1905 г. был разрешен выход из православия [7, с. 37]. Однако в 1906–1907 гг., вместе со спадом революционных настроений, дальнейшее реформирование политики в сфере религии стало менее активным. Так, Государственной Думой 1-го созыва не был принят закон «О свободе совести», проект которого был внесен 12 мая 1906 г. Партией Народной Свободы. Дума 2-го и 3-го созывов большинство вероисповедных законопроектов не рассмотрело, а принятые были заблокированы Государственным Советом или не подписаны императором. IV Государственная Дума не смогла рассмотреть ни одного вероисповедного законопроекта из-за изъятия их МВД в декабре 1913 г. [6, с. 9].

С 1910 г. начался обратный процесс ограничения прав и преследования неопротестантских деноминаций. Это было связано как с резким ростом миссионерской активности неопротестантов в 1905–1909 гг., которая вызывала обеспокоенность Православной церкви [8, с. 204], так и с превращением баптизма, по мнению Департамента полиции, в «крупную организованную общественную силу», которую «оценивать нужно <...> и с точки зрения политической». Высказывались опасения, что баптисты могут начать активную политическую борьбу и могут быть использованы левыми партиями, активно следящими за распространением неопротестантских деноминаций [6, с. 11].

Согласно «Правилам о сектантских съездах» от 31 марта 1910 г. был введен ряд ограничений и усиливался полицейский контроль за съездами неопротестантов [6, с. 10]. «Правила для устройства сектантами богослужебных и молитвенных собраний» от 4 октября 1910 г. требовали за 2–3 недели до проведения богослужебных или молитвенных собраний в разрешенных зданиях письменно уведомлять полицию о времени их проведения [6, с. 10]. Были запрещены собрания небогослужебного характера, мероприятия вне молитвенных домов могли проводиться только с разрешения властей и в присутствии чиновников, сбор денежных средств мог быть осу-

ществлен только с получением специального разрешения. 14 мая 1912 г. МВД направило губернаторам циркуляры по усилению надзора за баптистами [8, с. 203].

Итогом изменения политики в отношении неопротестантских деноминаций с 1910 г. стали усложнение административных процедур, что приводило к затягиванию сроков регистрации общин, отказам на запросы об открытии молитвенных домов [14, с. 75], запрету деятельности некоторых неопротестантских учебных заведений [3, с. 106]. В практику полицейских и судебных органов вернулись аресты и ссылки активных миссионеров. Так, в 1913 г. был удален из Минска миссионер Герасим Андрюхов [8, с. 204].

С началом Первой мировой войны положение неопротестантов резко ухудшилось. МВД считало, что баптисты, евангельские христиане и адвентисты проникнуты настроениями антимилитаризма и германофильства и руководятся из Германии [3, с. 108]. 30 октября 1914 г. МВД направило губернаторам очередной циркуляр по еще большему усилению надзора за баптистами. Он также запретил утверждать в звании баптистских наставников германских и австрийских подданных [8, с. 203]. 29 апреля 1915 г. Департамент духовных дел представил в Государственную Думу законопроект, по которому переход из инославного исповедания в неопротестантское не мог быть решен без утверждения МВД [6, с. 12].

Практическим воплощением данной политики стали закрытие молитвенных домов [6, с. 12], массовые аресты членов общин [3, с. 108], инициирование МВД в июле 1916 г. уголовного преследования всех лиц, входящих в состав правления Российского Униона адвентистов седьмого дня, учредителей Всероссийского Союза евангельских христиан и Всероссийского Союза русских баптистов [3, с. 108]. Следует отметить, что на ужесточение позиции властей в отношении неопротестантов, кроме безосновательных представлений о их сотрудничестве с Германией, повлияло распространение христианского пацифизма у баптистов, евангельских христиан и адвентистов и соответствующее ему уклонение от воинской службы [4, с. 45].

Несмотря на жесткую политику Российской империи в 1910–1917 гг., распространение неопротестантских деноминаций не было остановлено [8, с. 202], хотя ограничения и преследования уменьшили темпы роста. Одной из главных причин является само

вероучение неопротестантов, базирующееся на Библии и акцентирующее внимание на Иисусе Христе, его учении и жизненном пути. Активная личная проповедь представителям других вероучений считалась долгом каждого верующего. Преследования и страдания рассматривались как естественный элемент миссионерской деятельности, потому что сам Христос и апостолы им подвергались. И, в отличие от православия, где личной проповедью занимались преимущественно священники, в неопротестантизме евангелизм был характерен широким слоем рядовых верующих [2, с. 96]. Все это привело к постоянному росту последователей неопротестантизма вне зависимости от внешних условий.

Другой значимой причиной распространения неопротестантизма было существование большого количества централизованных организаций, занимающихся разработкой тактики миссионерской деятельности, готовящих миссионеров и издававших большое количество евангелизационной литературы [3, с. 107; 6, с. 10]. Только у баптистов был целый спектр таких организаций: Союз русских баптистов, Миссионерское общество баптистов, Всероссийский Союз кружков баптистской молодежи и др. [3, с. 107]. Одно из баптистских издательств в Петербурге, учрежденное в 1909 г., публиковало ежегодно от 90 до 188 наименований книг и брошюр [1, с. 139]. Также большой объем литературы шел из-за рубежа [6, с. 10]. Данные масштабы деятельности требовали значительного финансирования, однако сами деятели неопротестантизма подчеркивали, что финансов не хватало для покрытия всех потребностей разрастающейся миссионерской активности [1, с. 139].

Наконец, сами новообращенные объясняли свой переход в неопротестантские деноминации желанием покончить с пьянством, ощутить новые духовные переживания и преобразовать свою жизнь, читать Евангелие на русском, а не церковнославянском языке [2, с. 96], что было предоставлено неопротестантизмом.

Заключение. Политика Российской империи в отношении неопротестантских деноминаций в 1905–1917 гг. прошла 4 этапа, сменив несколько моделей: от проактивной прогрессивной в 1905–1906 гг. и ее сворачивании в 1907–1909 гг. до охранительной и реакционной в 1910–1914 и 1914 – феврале 1917 гг. соответственно. Для каждого периода были характерны своя тактика и выбор методов в регулировании деятельности неопро-

стантов, на что в большей степени влияли внешне- и внутривосточная обстановка. Так, под воздействием революции 1905–1907 гг., требовавшей в т. ч. свободы совести, власть пошла на провозглашение широкого круга прав и возможностей для деятельности неопротестантов, начав процесс реформирования вероисповедного законодательства для их воплощения. Далее, со спадом революционных настроений, осуществлялась блокировка дальнейших вероисповедных законодательных инициатив. С 1910 г. в практике стали использоваться создание дополнительных бюрократических преград, конкретных административных ограничений, усиление контроля и даже репрессии, в начале персональные, а с 1914 г. и в отношении всех принадлежащих к неопротестантам. Условия военного времени в 1914 – феврале 1917 г. позволили провести беспрецедентные репрессии в отношении неопротестантских деноминаций, объявленных агентами Германии и Австро-Венгрии, на которое российское общество никак не отреагировало ввиду общих патриотических настроений.

Несмотря на различную тактику, у имперских властей существовала единая стратегия в отношении неопротестантов в 1905–1917 гг. Власть, стремясь к сохранению строгой регламентации, контроля и статуса-кво в религиозной сфере, настороженно относились к прозелитизму неопротестантов, в т. ч. потому что правительственные чиновники неодобрительно относились к новым вероучениям, считая их чуждыми русскому человеку. Поэтому на всем протяжении рассматриваемого периода власть старалась не допустить значительного распространения неопротестантских деноминаций.

В целом, можно сделать вывод о том, что законодательное регулирование деятельности неопротестантских деноминаций влияло не на сам факт распространения вероучений (это происходило на всех этапах, даже в периоды самых жестких репрессий), а на темпы роста и степень расширения влияния неопротестантизма. Наиболее продуктивный период пришелся на относительно либеральные 1905–1909 гг., а во время наступления реакции с 1910 г. неопротестантам приходилось кроме миссионерской деятельности уделять внимание бюрократическим процедурам и реагировать на ограничения и репрессии, что мешало как личному евангелизму верующих, так и системной работе неопротестантских организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. История евангельских христиан-баптистов в СССР / Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов ; редкол.: А. М. Бычков [и др.]. – М. : Изд-во ВСЕХБ, 1989. – 624 с.
2. Балдин, П. П. Движение штундистов и церковно-государственная политика в Российской империи во второй половине XIX века / П. П. Балдин // Сервис в Рос. и за рубежом. – 2013. – № 2. – С. 91–99.
3. Руфин, С. М. Правовое положение баптистов и адвентистов в Российской империи в конце XIX – начале XX века (по материалам Саратовской губернии) / С. М. Руфин // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Ист. Межд. отнош. – 2019. – Т. 19, вып. 1. – 104–108.
4. Амбарцумов, И. В. Русский штундизм, общество и власть в XIX – начале XX в. / И. В. Амбарцумов // Вестн. ПСТГУ. Сер. 2, Ист., ист. РПЦ. – 2011. – Вып. 5. – С. 30–47.
5. Лукьянов, С. А. Принцип веротерпимости во внутренней политике дореволюционной России и роль Министерства внутренних дел в обеспечении государственно-правовых основ его осуществления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С. А. Лукьянов ; Акад. управл. МВД Рос. – М., 2009. – 50 с.
6. Лукьянов, С. А. Взаимодействие Департамента полиции и Департамента духовных дел МВД Российской империи по обеспечению надзора за религиозными сектами после вероисповедной реформы начала XX в. / С. А. Лукьянов // Пробл. эконом. и юрид. практ. – 2015. – № 3. – С. 9–12.
7. Никольская, Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Т. К. Никольская. – СПб., 2003. – 275 с.
8. Линкевич, В. Н. Новые течения протестантизма в Белоруссии во II пол. XIX – нач. XX вв. / В. Н. Линкевич // Новая экономика. – 2016. – № 1. – С. 198–205.
9. Кулиев, Ф. М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. / Ф. М. Кулиев // Извест. СОИГСИ. – 2015. – № 15. – С. 14–24.
10. Именной Высочайший указ, данный Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. [Электронный ресурс] // Остров веры. – Режим доступа: <https://goo.gl/rXJQFH>. – Дата доступа: 29.03.2021.
11. Наградов, И. С. Взаимоотношения старообрядцев, российского правительства и синодальной церкви в 1905–1917 годах / И. С. Наградов // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 2. – С. 111–114.
12. Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка, 17(30).10.1905 [Электронный ресурс] // 100 главных документов российской истории. – Режим доступа: <https://goo.gl/7AibxT>. – Дата доступа: 29.03.2021.

REFERENCES

1. Istoriya evangel'skih hristian-baptistov v SSSR / Vsesoyuznyj Sovet evangel'skih hristian-baptistov ; redkol.: A. M. Bychkov [i dr.]. – M. : Izd-vo VSEHB, 1989. – 624 s.
2. Baldin, P. P. Dvizhenie shtundistov i cerkovno-gosudarstvennaya politika v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka / P. P. Baldin // Servis v Ros. i za rubezhom. – 2013. – № 2. – S. 91–99.
3. Rufin, S. M. Pravovoe polozhenie baptistov i adventistov v Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX veka (po materialam Saratovskoj gubernii) / S. M. Rufin // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Ist. Mezhd. otnosh. – 2019. – T. 19, vyp. 1. – 104–108.
4. Ambarcumov, I. V. Russkij shtundizm, obshchestvo i vlast' v XIX – nachale XX v. / I. V. Ambarcumov // Vestn. PSTGU. Ser. 2, Ist., ist. RPC. – 2011. – Vyp. 5. – S. 30–47.
5. Luk'yanov, S. A. Princip veroterpimosti vo vnutrennej politike dorevolucionnoj Rossii i rol' Ministerstva vnutrennih del v obespechenii gosudarstvenno-pravovyh osnov ego osushchestvleniya : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.01 / S. A. Luk'yanov ; Akad. upravl. MVD Ros. – M., 2009. – 50 s.
6. Luk'yanov, S. A. Vzaimodejstvie Departamenta policii i Departamenta duhovnyh del MVD Rossijskoj imperii po obespecheniyu nadzora za religioznymi sektami posle veroispovednoj reformy nachala XX v. / S. A. Luk'yanov // Probl. ekonom. i yurid. prakt. – 2015. – № 3. – S. 9–12.
7. Nikol'skaya, T. K. Russkij protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 gg. : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / T. K. Nikol'skaya. – SPb., 2003. – 275 s.
8. Linkevich, V. N. Novye techeniya protestantizma v Belorussii vo II pol. XIX – nach. XX vv. / V. N. Linkevich // Novaya ekonomika. – 2016. – № 1. – S. 198–205.
9. Kuliev, F. M. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti konfessij v Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XX v. / F. M. Kuliev // Izvest. SOIGSI. – 2015. – № 15. – S. 14–24.
10. Imennoj Vysochajshij ukaz, dannyj Senatu, «Ob ukreplenii nachal veroterpimosti» 17 aprelya 1905 g. [Elektronnyj resurs] // Ostrov very. – Rezhim dostupa: <https://goo.gl/rXJQFH>. – Data dostupa: 29.03.2021.
11. Nagradov, I. S. Vzaimootnosheniya staroobryadcev, rossijskogo pravitel'stva i sinodal'noj cerkvi v 1905–1917 godah / I. S. Nagradov // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. – 2011. – № 2. – S. 111–114.
12. Vysochajshij manifest ob usovershenstvovanii gosudarstvennogo poryadka, 17(30).10.1905 [Elektronnyj resurs] // 100 glavnyh dokumentov rossijskoj istorii. – Rezhim dostupa: <https://goo.gl/7AibxT>. – Data dostupa: 29.03.2021.

13. Именной Высочайший Указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» [Электронный ресурс] // Российская Государственная библиотека. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/010028-74761#?page=1>. – Дата доступа: 29.03.2021.
14. *Ситко, Е. А.* К вопросу о двойственности указа «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» в отношении неопротестантских деноминаций в Российской империи / Е. А. Ситко // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов : вып. 22 / БГУ, ФМО ; под общ. ред. В. Г. Шадурского. – Минск, 2019. – С. 73–75.
15. *Линкевич, В. Н.* Протестантское сектантство в Белоруссии во второй половине XIX – начале XX в.: общий обзор [Электронный ресурс] / В. Н. Линкевич // Западная Русь. – 2015. – Режим доступа: <https://goo.gl/4hk9MV>. – Дата доступа: 29.03.2021.
13. Imennoj Vysochajshij Ukaz «O poryadke obrazovaniya i dejstviya staroobryadcheskih i sektantskih obshchin i o pravah i obyazannostyah vkhodyashchih v sostav obshchin posledovatelej staroobryadcheskih soglasij i otdivshisya ot pravoslaviya sektantov» [Elektronnyj resurs] // Rossijskaya Gosudarstvennaya biblioteka. – Rezhim dostupa: <https://dlib.rsl.ru/viewer/010028-74761#?page=1>. – Data dostupa: 29.03.2021.
14. *Sitko, E. A.* K voprosu o dvojstvennosti ukaza «O poryadke obrazovaniya i dejstviya staroobryadcheskih i sektantskih obshchin» v otnoshenii neoprotestantskih denominacij v Rossijskoj imperii / E. A. Sitko // Sbornik nauchnyh statej studentov, magistrantov, aspirantov : vyp. 22 / BGU, FMO ; pod obshch. red. V. G. Shadurskogo. – Minsk, 2019. – S. 73–75.
15. *Linkevich, V. N.* Protestantskoe sektantstvo v Belorussii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: obshchij obzor [Elektronnyj resurs] / V. N. Linkevich // Zapadnaya Rus'. – 2015. – Rezhim dostupa: <https://goo.gl/4hk9MV>. – Data dostupa: 29.03.2021.